

УДК 811.1/8
DOI 10.52452/19931778_2025_1_205

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ ТОЛЕРАНТНОСТЬ, TOLERANCE В РУССКОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТРАДИЦИЯХ

© 2025 г.

Н.В. Дутова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

dutova_natalya@mail.ru

Поступила в редакцию 04.03.2024

Статья посвящена анализу процессов мультимодальной концептуализации социальных понятий *толерантность* и *tolerance* в русской и американской лингвокультурах в сопоставительном аспекте с привлечением вербального, визуально-образного и жестового модусов. Методом семиотического анализа изучена культурная специфика концептуализации толерантности, определены ментальные и семантические традиции обозначения изучаемого социального феномена в изобразительной символике, проанализированы лингвокультурные смыслы, кодированные помощью жестов. Результаты исследования показали, что доминирующие культурные ценности способствуют возникновению сдвига в значении по сравнению с источниками заимствований, которые проявляются в ментальных установках, детерминирующих социальное поведение. Символика толерантности, воплощаясь в изобразительном и жестовом модусе, выражена изобразительной метафорой, формирующей смысловую структуру символа, состоящего из чувственного образа и его символического значения.

Ключевые слова: мультимодальная концептуализация, русская лингвокультура, американская лингвокультура, визуальная концептуализация образов, культурные ценности, изобразительная символика, вербальная репрезентация визуальных образов, жестовая концептуализация, коммуникативная эмблема, изобразительная метафора.

Введение

В настоящее время актуальность декодирования лингвокультурных мультимодальных кодов не вызывает сомнения. При этом очевидно, что мультимодальные знаки характеризуются культурной спецификой. Многочисленные исследования доказали, что определённые вербальные и невербальные знаки отражают национальный способ мышления и лингвокультурные особенности, которые участвуют в порождении смыслов [1; 2]. Современные варианты графических представлений информации являют собой огромное мультимодальное исследовательское поле для анализа особенностей лингвокультурного сознания, способов концептуализации понятий социального мира, их фиксации в образах визуальных объектов, а также для исследования семантики языковых единиц, вербализующих концепт. Цель настоящего исследования заключается в анализе процессов мультимодальной концептуализации социальных понятий *толерантность* и *tolerance* в русской и американской лингвокультурах в сопоставительном аспекте. Семиотический анализ как главный метод исследования позволил изучить культурную специфику концептуализации толерантности через выявление ключевых культурных

ценностей, определить ментальные и семантические традиции обозначения толерантности в корреляции с символикой изучаемого социального феномена, проанализировать способы репрезентации лингвокультурных смыслов, кодированных помощью жестов.

Основу изучения толерантности в настоящей работе занимает понятие лингвокультурного концепта как «условной ментальной единицы, направленной на комплексное изучение языка, сознания и культуры» [3, с. 5]. Отличительной особенностью лингвокультурного концепта выступает акцентуация ценностного элемента [4–7]. Выступая неотъемлемой частью нормативной культуры любого социума, ценности аккумулируют представления о правильном и неправильном в культуре и оказывают существенное влияние на мышление и поведение человека.

Обращение к мультимодальной концептуализации, включающей визуально-образный и жестовый модусы, позволяет выявить некоторые черты ментального лингвокультурного своеобразия, а также особенности вербализации концепта в изобразительной символике толерантности. Визуальная концептуализация образов отличается от вербальной особенностями визуального знака как единицы анализа. Визуальный или иконический знак – «это непосред-

ственная образность, взятая в ее целостности, корни которой уходят в архетипические способы концептуализации, где категоризация действительности осуществлялась целостно и континуально, а первичные языковые знаки несли на себе печать аналоговых процессов «знакообразования» [8, с. 11]. Важной особенностью иконических знаков выступает нелинейность означающего, то есть пространственный симбиоз изображений. В то время как означаемое в иконических знаках соотносится с культурно значимой информацией [9–11]. Кроме того, существенным фактором для декодирования иконических знаков является обязательная однозначная связь означающего и означаемого. В процессе наделения иконических знаков символическим значением означающее и означаемое утрачивают однозначную связь и вступают в условные произвольные отношения на основе мотивированности. В данной работе мы опираемся на метафорическую теорию символизации [12–14] и изучаем изобразительную метафорическую мотивированность знаков символизации толерантности в изображениях и жестах и их семантическую фиксацию.

Лингвокультурологическая концептуализация

В данном разделе концепты *толерантность* и *tolerance* описаны в аспекте лингвокультурологии через связь с традиционными культурными ценностями.

Этимологически русская лексема *толерантность* представляет собой английское заимствование XIX века. Однако слово широко не употреблялось в связи с неприятием данного понятия славянофилами, позже – с опасным влиянием Запада. Лишь в 1980–90-х годах данное слово вновь стало употребляться как часть языковой политики. Английская лексема *tolerance* имеет довольно продолжительную историю своего развития, появившись в английском языке в XV веке под влиянием французского и латинского языков.

Дефиниционный анализ с использованием ряда толковых словарей лексемы *толерантность* показал, что значение анализируемой единицы во всех словарях содержит компоненты *терпимость*, *терпение*. Из этого можно заключить, что в русском сознании толерантность ассоциируется с традиционными русскими ценностями *терпимость* и *терпение*. В англоязычных словарях *tolerance* трактуется как *willingness to accept; acceptance of smb or smth. 'готовность принять; принятие'*. Следовательно, русская и американская лингвокультуры вкладывают разные смыслы в понятие *толерантность*.

Лексемы *терпимость* и *терпение* находятся в деривационных и семантических отношениях друг с другом, так как представляют собой производные существительные от русского глагола *терпеть*, который в свою очередь показывает высокую частоту употребления и морфологической продуктивности. Большинство производных от глагола *терпеть* выражают высокоценные качества, подчеркивая значимость глагола в русской лингвокультуре. Данный глагол выступает важной добродетелью в православной религии, проповедующей смирение и терпение.

Глагол *терпеть* является многозначным и переходным. Данный глагол может употребляться самостоятельно или с дополнением, выражающим состояние ментальной или физической боли, например *терпеть страдания, боль, муку*.

А.Н. Гладкова в своей работе отмечает, что лингвокультурологическая особенность описываемого глагола заключается в его потенциале выражать «отношение человека к тяжелым физическим или моральным условиям, которые человек сознательно принимает, не делая никаких попыток их остановить, например: *терпеть любые невзгоды, боль, страдания; терпеть, стиснув зубы; терпеть адский голод; терпеть невыносимую муку*» [15, с. 150]. При этом необходимо учитывать, что умение терпеть физическую боль и другие виды трудностей и страданий одобряются в русской лингвокультуре, в противном случае человек воспринимается слабым. В этом заключается стоическое отношение к жизни русских.

Е.В. Урысон отмечает важную особенность русского глагола *терпеть*, которая состоит в его способности выражать своего рода ресурс. Внутренние силы человека позволяют ему не реагировать на внешние раздражители и оставаться в спокойном состоянии. Исследователь отмечает, что это возможно благодаря специфическому образу мышления, когда человек сознательно продолжает придерживаться выбранной линии поведения, не реагируя на боль, холод, неприятное поведение других людей. Умение пользоваться таким ресурсом оценивается положительно в обществе [16, с. 78–81].

Другое значение глагола *терпеть* связано с его потенциалом выражать модальные оттенки взаимоотношений людей друг с другом, когда моральные принципы, личная выгода или желание угодить вынуждают людей находиться вместе. Указанное значение глагола оценивается отрицательно в социуме.

Tolerance в американской лингвокультуре деривационно связано с глаголом *to tolerate*, который имеет три модели управления: 1) относительно других людей – *to tolerate someone*

else's behaviour; 2) относительно неприятных физических и ментальных ощущений – to tolerate pain/frustration/ambiguity; 3) относительно чувств, вызванных съедобными веществами, употребляемыми человеком, – to tolerate spicy food/salt. Наиболее значимым с точки зрения специфики лингвокультуры является первое значение. Кроме того, *tolerance* и *tolerant* образованы именно от *to tolerate* в первом значении.

Итак, первое значение глагола обозначает отношение к отличающемуся от принятых норм поведению другого человека: We could tolerate my uncle's foibles because we loved him dearly.

В американской лингвокультуре естественным считается позволять человеку вести себя и жить так, как он желает. В этом и заключается проявление толерантности к поведению окружающих людей. По мнению А.Н. Гладковой, А. Вежбицкой, подобное поведение обусловлено специфичной чертой американского социума – ненавязывания своего мнения другим людям [15, с. 167; 17, с. 463]. Недопустимость использования императивных конструкций в просьбах представляет собой отражение данной особенности в языке. Так, Т.В. Ларина признает, что высказывание «I ask you to do it!» прагматически неприемлемо согласно английским правилам вежливости, в то время как русское «Я прошу тебя, сделай это!» воспринимается вполне естественно. Английские нормы вежливости требуют более мягких форм просьб и предложений, как правило, в виде вопросов с модальными глаголами, например, could you ...; would you ...; will you ...; you might like to... Модальные вопросительные конструкции смягчают высказывание, позволяя говорящему проявлять уважение к личной зоне автономии адресата [18, с. 65]. Однако, по словам А.Н. Гладковой, поведение, связанное с тиранией, шантажом, дискриминацией, а также проявление толерантности к такому поведению характеризуется отрицательной социальной оценкой [15, с. 160].

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что глаголы *терпеть* и *to tolerate* семантически различаются, поскольку содержат в себе обусловленные культурой смыслы, оказывающие существенное влияние на значение слова. Глагол *терпеть* содержит в своем значении идею некоего внутреннего ресурса, который позволяет человеку предпринимать моральное или физическое усилие и оставаться в спокойном состоянии, не обращая внимания на раздражающие факторы. В значении английского глагола *to tolerate* присутствует ментальная установка, которая регулирует поведение человека. Следовательно, при наличии общих семантических черт анализируемые глаголы раз-

личаются ввиду того, что находятся под влиянием разных лингвокультурных ценностей.

Прилагательное *tolerant* используется для выражения осознанного принятия отличного от принятых норм в обществе поведения другого человека. Чаще всего речь идет о расе, национальности либо сексуальном поведении, которое отличается от традиционного. Кроме того, значение прилагательного *tolerant* распространяется на нетипичные политические взгляды, а также на отношение родителей к непослушным детям. Толерантный человек осознанно признает разнообразие точек зрения и вариантов поведения, действуя в соответствии с культурной ценностью ненавязывания своей точки зрения другому человеку, что высоко ценится в обществе.

Что касается русского прилагательного *терпимый*, то необходимо заметить, что семантически указанное слово обозначает отношение субъекта к другому лицу, чье поведение считается неприемлемым. При этом человек подвергается негативному воздействию в связи с поведением другого лица. Отношение толерантного (*tolerant*) человека направлено на нетипичное для данного общества поведение, которое лично не затрагивает интересы субъекта. Как утверждает А.Н. Гладкова, «терпимый более «личный» в своем отношении, в то время как *tolerant* более «общественный» [15, с. 167].

Глагол *терпеть* и прилагательное *терпимый* семантически тесно связаны с ключевыми в русской лингвокультуре концептами *смирение* и *судьба*. Обращаясь к трудам А. Вежбицкой, отметим, что смирение связано с религиозным отношением просветленного принятия судьбы через моральные усилия и страдания, которые приводят к полной зависимости от воли Бога, несопротивлению злу, а также к глубинному миру и любви к другим людям [17, с. 430]. Согласно Д. Ранкур-Лаферьеру, смирение предполагает психическое спокойствие, которое достигается внутренним усилием и даже борьбой [19, с. 67].

Как и смирение, судьба признается многими исследователями в качестве центрального концепта в русской лингвокультуре. Согласно русским традиционным представлениям, судьба подчиняет волю человека и определяет течение его жизни. Смирение и судьба содержат в себе лингвокультурные смыслы того, что человек отказывается от собственной воли и принимает жизнь во всех ее проявлениях со смирением. Английские эквиваленты лексических единиц *судьба* и *смирение* (*fate* и *humility*) семантически не связаны с глаголом *to tolerate* и прилагательным *tolerant*.

Различия в русской и американской системах культурных ценностей приводят к сдвигу

семантического значения в лексической единице *толерантный*. Значение слова *толерантный* находится между значениями *терпимый* и *tolerant*, так как, с одной стороны, не предполагает в полной мере обращения к внутреннему ресурсу, как *терпимый*. С другой стороны, указанное прилагательное лишь частично проявляет ментальную установку *tolerant*. *Толерантность* и *толерантный* оцениваются положительно в русской лингвокультуре, однако уступают в значимости концептам *терпимый* и *терпимость*.

Таким образом, в процессах лингвокультурологической концептуализации толерантности и *tolerance* большую роль играют культурные ценности и ментальные установки. Доминирование ключевых культурных ценностей приводит к семантическому сдвигу в значении слова по сравнению с источником заимствования.

Концептуализация визуальных образов толерантности

Материалом для исследования послужили изображения с символикой толерантности, собранные с помощью русского и американского браузерных программных обеспечений «Яндекс.Браузер» и Google. При запросах «символика толерантности в России» и «US tolerance icons» найдено более 4 тысяч изображений.

Радужный флаг как межкультурный символ толерантности чаще всего представлен в визуальных образах концептов *толерантность* и *tolerance*. В американской лингвокультуре данный символ представлен с помощью вербальной единицы *rainbow flag*. Радуга изначально использовалась в субкультуре хиппи как символ гармонии в разнообразии духовных начал. Пропагандируемые хиппи идеи мира, единения, равенства, полного принятия окружающего, принципиальное отрицание всех форм насилия коррелируют с понятием толерантности, поэтому радужное цветообозначение было адаптировано в концепте *tolerance* и позднее заимствовано наряду с флагом как символом толерантности в русскую лингвокультуру. Принятие русскими радужного флага связано, на наш взгляд, с сакральным значением мифологемы *радуга* в славянской культуре, символизирующей радость, веру, надежду. Кроме того, русские часто воспринимают радугу в качестве символа дружбы. Следовательно, радужный флаг для русских олицетворяет многонациональное мировое сообщество, дружбу между народами и всеобщую терпимость друг к другу, отсутствие войны.

Частотный анализ визуальных источников показал, что, несмотря на признание различных типов толерантности и их вербальных репре-

зентаций, в русской концептосфере чаще всего встречаются изображения, иллюстрирующие преимущественно национальную, расовую и культурную терпимость, как символы состояния мира между народами. Главным образом данная зона представлена изображениями планеты, людей разных национальностей и рас. Не менее часто среди символов толерантности можно наблюдать цветные руки и ладони. Открытая ладонь считается универсальным символом и используется во многих движениях за мир, обозначая единство, понимание и терпимость.

Среди прочих визуальных компонентов концепта и символов толерантности довольно часто встречается радужный цветок, надписи на лепестках которого раскрывают значение понятия *толерантность*. Эмблема создана немецким художником Х. Лангером. Другим символическим изображением мира выступает голубь. Особое значение в символике толерантности занимает изображение дерева и сердца. В русской семантической традиции сердце является одновременно источником духовной, душевной и телесной жизни человека. Оно ассоциируется с состраданием, милосердием и добром.

Периферию концепта *толерантность* занимают единичные изображения религиозной, физиологической, сексуальной толерантности. На изображениях религиозной терпимости представлен цветок толерантности Х. Лангера, с символами восьми религиозных течений на лепестках, либо четыре руки, сложенные в форме квадрата с изображением религиозных символов. Физиологическая толерантность также представлена незначительным количеством символов. Главным образом это рисунки с изображением группы людей с разными физиологическими особенностями, которые держатся за руки. Что касается сексуальной толерантности, то необходимо отметить, что русские негативно воспринимают свободу сексуальной ориентации, что визуально отражается в изображениях радужного сердца, перечеркнутого красным диагональным крестом, который обычно репрезентируется вербальным знаком «запрещено».

Американский концепт *tolerance* отличается большим разнообразием визуальных компонентов, включающих в себя множество видов толерантности и закрепленных за ними определенных символов. В частности, речь идет о гендерной, расовой, национальной, религиозной, сексуальной, образовательной, межклассовой, политической толерантности, уважительном отношении к людям с ограниченными возможностями, принятии разнообразия самовыражения, и уважении прав человека. Так, визуальные образы *tolerance* содержат большое количество

изображений с картой и флагом США, чего нельзя сказать о визуальной структуре русского концепта *толерантность*, где представлены единичные результаты поиска, содержащие карту или флаг Российской Федерации. На наш взгляд, данный факт объясняется тем, что изучаемый нами концепт является заимствованным в русской лингвокультуре, поэтому русские, как правило, не ассоциируют свою страну со словом *толерантность*.

Частотный анализ позволил отнести изображения планеты, поднятых рук, сердца, дерева, людей разных национальностей и рас к ключевым символам американского концепта *tolerance*. Результаты исследования показывают наличие подобных визуальных компонентов в качестве основных в русском концепте *толерантность*. Следовательно, при учете лингвокультурной специфики указанные изображения можно отнести к общим чертам анализируемых концептов. Сердце чаще других визуальных компонентов встречается в символике *tolerance* всех видов. Например, образ сердца сочетается со знаком доллара в символике межклассовой толерантности, с образом академической шапочки для обозначения образовательной толерантности. Дерево Гаф и его вербализатор Ghaf tree в качестве символа толерантности имеет большое значение для коренных народов США. Оно ассоциируется с народным и экологическим наследием. Это символ стабильности и мира в пустынной среде и свидетель старых обычаев. В русской же лингвокультуре дерево рассматривается в качестве Мирового Древа, которое символизирует Вселенную, космический дом, воссоздающий качества и порядок мироздания. Часто дерево на изображениях сочетается с образом летящих птиц, представленных в виде цветных ладоней, где птицы мифологически символизируют души, а ладони – открытость, готовность к взаимодействию.

Спецификой концепта *tolerance* выступает векторный символ, созданный со знаком бесконечной петли и двумя руками людей, соприкасающимися и тянущимися друг к другу. Семантически данный знак представлен лексической единицей *the lemniscate* и обозначает бесконечную любовь и поддержку. Данный знак используется в качестве символа расовой и сексуальной толерантности в американской лингвокультуре. Символ не встречается в визуальной репрезентации русского концепта. Другим специфическим символом концепта *tolerance* выступает пацифик, или peace sign ‘крест мира’, – символ всемирного пацифизма, автором которого является Дж. Холтом. Часто данный знак называют «лапкой голубя мира». Изначально

данный крест использовался как символ движения за ядерное разоружение, составленный из начальных букв «N» (*nuclear* – ядерное) и «D» (*disarmament* – разоружение). Обрамление креста в круг означает глобальное соглашение. Как и знак бесконечности, изображение пацифика не представлено в качестве визуальных компонентов русского концепта *толерантность*. Изображения нулевой толерантности также составляют специфику американского концепта *tolerance*. В качестве символа нулевой толерантности выступает знак «стоп» в виде восьмиугольника или круга красного цвета, на который нанесена надпись «Zero tolerance».

Таким образом, концептуализация визуальных образов символики толерантности позволяет выявить универсализм и культурную специфику, наполненную особыми метафорическими смыслами, декодирование которых ведет к осмыслению и рефлексии толерантного поведения в социуме.

Жестовая концептуализация в символике толерантности

На основе собранных изображений для исследования мультимодальной концептуализации толерантности был проведен анализ репрезентации смыслов, кодированных помощью жестов. Исследование жестикуляции в визуальных образах толерантности проводилось с использованием словаря русских жестов Г.Е. Крейдлина, исследования русской жестикуляции Е.А. Гришиной и работы «Язык телодвижений» А. Пиз.

Визуальные образы концептов *толерантность* и *tolerance* содержат большое количество изображений жестов рук, преимущественно кистей. В соответствии с классификацией жестов, представленной в работе Г.Е. Крейдлина, анализируемые жесты относятся к кинесическим, коммуникативным эмблемам косвенной иконичности, содержащей изобразительную метафору, посредством которой репрезентируется смысл [20, с. 25].

Использование исключительно мануальных жестов в символике толерантности можно объяснить, на наш взгляд, свидетельством психологов, что взаимосвязь мозга с руками более тесная, чем с любыми другими частями тела. Кроме того, руки играют особую роль в эволюции человека, еще в древние времена люди показывали открытые ладони, убеждая, что они не держат в руках оружие.

Наиболее частотным мануальным жестом в символике всех типов толерантности обеих лингвокультур выступает открытая ладонь. Данная кинема относится к одним из самых

распространенных в разных лингвокультурах жестах. Как утверждает А. Пиз, открытые ладони ассоциируются с честностью, правдой, верностью и покорностью, готовностью к дружескому диалогу и взаимодействию. Открытые ладони говорят о том, что человек не вооружен и не представляет никакой угрозы. Кроме того, А. Пиз указывает, что ладони схожи с голосовыми связками языка телодвижений. Они вступают в коммуникацию гораздо чаще, чем другие части тела [21, с. 40].

Часто цветные открытые ладони в русской лингвокультуре образуют своего рода хоровод вокруг планеты. Разновидностью данного визуального образа выступает изображение детей в хороводе. Данный жест относится к иконическим ритуалам. Хоровод обладает сакральным значением в славянских культурах. Это обрядовое действие, связанное с культом Солнца. Круг как форма построения хоровода символизирует солнце, а движения участников ритуала по кругу повторяют движение солнца. Данный обряд метафорически воплощает идею мира и гармонии, где естественно сочетаются ритм, темп, движения, песня. Кроме того, хоровод воссоздает общее пространство единомышленников, в котором человек учится сохранять самобытность и уважать пространство других.

Другой часто встречающейся коммуникативной эмблемой выступает жест «поднятые вверх руки с открытыми ладонями». Необходимо подчеркнуть, что высокая частота данного жеста объясняется его лингвокультурной обусловленностью. Выброшенная вверх рука в русской жестикуляционной системе считается одним из самых распространенных жестов рук. Косвенная иконичность реализуется в жесте посредством метафоры роста, проявленности. Данный жест относится к жестам восклицания. Исполняющий жест призывает обратить внимание на сообщение, обращенное к адресату. В американских источниках данный жест выражает значение солидарности, а также может обозначать радость.

Этикетная эмблема «рукопожатие» является универсальным жестом в описываемых концептах и играет значимую роль в символике толерантности. В рамках исследуемой нами темы данный жест употребляется в двух представленных в словаре русских жестов Г.Е. Крейдлина значениях [20, с. 95]. Первое значение связано синонимичными отношениями с эмблемой «открытая ладонь». Оба жеста обозначают приветствие и готовность к диалогу и возможной совместной деятельности. Во втором значении «рукопожатие» выражает метафорическое значение скрепления договоренности между же-

стикулирующими. Жест выступает аналогом вербального фразеологизма «По рукам!». Симметричная конфигурация ладоней при исполнении жеста содержит в себе смысл равноправия народов в русском понимании толерантности. Как отмечает Е.А. Гришина, «ладони вместе изображают равноправие обеих кистей, которые движутся до полного воссоединения, означая равноправие» [22, с. 392]. Кроме того, вертикальное положение рук символизирует равенство.

Вариантом рукопожатия в символике толерантности зафиксирован иконический коммуникативный жест «arm-wrestling» в американском концепте *tolerance*. При исполнении жеста руки расположены вертикально, как на начальной стадии армреслинга, изображая отсутствие победителя и побежденного и символизируя равенство.

Другой специфичной кинемой в визуальных образах американского концепта *tolerance* является другая разновидность рукопожатия «forearm clasp». Этимология анализируемого жеста связана с временами Римской империи, когда закрепилось обыкновение прятать оружие в рукаве. По этой причине римляне приняли решение изменить традиционное рукопожатие на пожатие запястья на уровне пояса. Таким образом, данный жест закрепился в значении отсутствия спрятанного оружия. В символике толерантности эмблема является синонимом жеста «рукопожатие».

Универсальный для всех культур символ толерантности мануальный жест «hands in square» ‘четыре руки, сложенные в форме квадрата’ представляет собой коммуникативную эмблему косвенной иконичности. Изобразительная метафора, содержащаяся в жесте, выражает идею сплоченности представителей разных лингвокультур, национальностей и рас, доверия и честности в отношениях.

Универсальная для обеих лингвокультур иконическая коммуникативная эмблема «рука на руку, ладони вниз» исполняется при соединении кистей нескольких человек разных рас и наций. Каждый следующий участник кладет кисть ладонью вниз на руку предыдущего участника. Выполнение жеста часто сопровождается хлопком. Ладони ориентированы в одном направлении. Особенность жеста состоит в том, что нижняя кисть служит опорой для верхней руки, символизируя поддержку и взаимопомощь народов.

Однако, как утверждает Е.А. Гришина, ориентация ладони вниз характерна для прямого императива [22, с. 372]. А конфигурация ладони метафорически демонстрирует контроль за счет фиксации кисти коммуниканта и лишения воз-

возможности двигаться. В данном случае выражается компонент «делай так». Учитывая специфику понимания толерантности в русской лингвокультуре, а именно то, что для русских проявлять толерантность означает терпеть, можно сделать заключение, что в концепте толерантность данная эмблема содержит компонент «терпи». Следовательно, иконическая коммуникативная эмблема «рука на руку, ладони вниз» обозначает поддержку в терпении проявления себя и уважении других во всем многообразии проявлений культуры. Идею властности и давления, заложенную в жест «palm down» в американской лингвокультуре, подчеркивает и А. Пиз [21, с. 44]. На наш взгляд, разница между репрезентируемыми смыслами в данном случае заключается в семантических значениях вербальных компонентов. В русской лингвокультуре толерантность главным образом вербализована лексемой «терпение». В американской лингвокультуре толерантность репрезентирована вербальным компонентом *willingness to accept* 'готовность принять'.

Русский концепт *толерантность* включает также иконическую коммуникативную эмблему «пригоршня». Жест довольно распространен в русской лингвокультуре. При исполнении жеста кисти рук образуют нижнюю плоскость объекта, который как будто лежит в ладонях, обращенных вверх. Чашеобразные ладони задают трехмерную специфику объекта. Данный жест имеет метафорическое значение «просить, давать». Ладони, направленные вверх, представляют собой метафору роста и развития. Визуальные образы толерантности, содержащие данный жест, обычно в качестве объекта содержат изображение планеты, дерева, сердца. В аспекте толерантности данный жест выражает метафорическое значение «давать мир, развитие, сострадание». Прагматически данный жест используется в русской лингвокультуре для обозначения смысла «обрати на меня внимание, я спрашиваю, я говорю, я прошу». В этом значении жест сопровождает утверждение и считается стандартным жестом аргументации. Следовательно, интерпретируя значение жеста в концептуализации толерантности, можно заключить, что жестулирующий выражает идею «обрати на меня внимание, я говорю о мире, о сострадании, о росте и развитии».

Американский концепт *tolerance* включает в себя вариацию данного жеста как композиционный элемент символа толерантности «holding hands». При исполнении жеста ладони смыкаются у основания, слегка согнутые пальцы направлены вверх. Чаще всего в качестве предмета, находящегося в руках, можно увидеть об-

раз сердца, планеты, религиозных знаков. Жест ассоциируется с позитивным и нежным чувством благодарности, тепла, дружбы.

Концепт *tolerance* содержит ряд специфических жестов, которые не представлены в русском концепте *толерантность*. Рассмотрим мануальный жест как компонент символики межклассовой толерантности. Данная иконическая эмблема представляет собой две руки, одна из которых расположена ладонью вверх, другая – ладонью вниз. Как утверждает А. Пиз, ладонь, направленная вниз, символизирует авторитет и доминирование. Ладонь вверх означает отсутствие угрозы, готовность к взаимодействию. Верхняя рука на изображении дарит сердце со значком доллара, нижняя рука принимает. На наш взгляд, анализируемый жест символизирует гармонию противоположных начал и готовность давать и принимать.

Иконическая эмблема «raised fist» как элемент символики толерантности в американской лингвокультуре относится к культурно-специфическим жестам. Впервые данный жест был использован как знак солидарности с движением за гражданские права чернокожих американцев. В символике толерантности кулак также символизирует солидарность народов мира в их стремлении к равенству.

Кроме того, в концепте *tolerance* присутствуют несколько специфических для американской лингвокультуры иконических коммуникативных эмблем, исполняемых пальцами. Имеется в виду «V sign, Hook 'em Horns sign, shooting gesture». Данные жесты культурно-специфичны, обладают как положительным, так и крайне негативным метафорическими значениями. В символике толерантности данные единицы встречаются в изображениях, связанных с национальной, расовой, культурной толерантностью, подчеркивая терпимое отношение к разнообразию мира.

Анализ репрезентации смыслов, кодированных помощью жестов в символах толерантности русской и американской лингвокультур, показал, что руки, как невербальный «орган речи», играют доминирующую роль в изобразительном кодировании универсальных и культурно-специфических метафорических смыслов, отражающих как универсальные для двух лингвокультур ценности, так и культурно-специфические, подчеркивающие разнообразие мировосприятия в данных лингвокультурах.

Заключение

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что толерантность, вопреки

факту заимствования как социального феномена, концептуализируется на базе ценностей, сформированных русской лингвокультурной традицией. В сознании представителей русской лингвокультуры толерантность связана со сложившимися образами терпимости, зафиксированными как вербально, так и посредством изображений и жестов. Более того, ментальные образы, сформированные лингвокультурой, влияют на восприятие и оценку социальных явлений.

Как показало мультимодальное исследование, символы толерантности, воплощаясь в изобразительном и жестовом модусе, могут быть выражены изобразительной метафорой, которая формирует смысловую структуру символа, состоящего из чувственного образа и его символического значения. При этом каждая метафорическая единица в ее визуальном образе маркирует культурную уникальность образного мышления и референцию элементов символа.

Использование мультимодального подхода к концептуализации позволяет обогатить научное направление новыми вариативными способами изучения национального своеобразия и уникальности культурного пространства, синтезировать знания в области межкультурной коммуникации и лингвокультурологии.

Список литературы

1. Язык и семиотика тела: Коллективная монография в 2 т. Т. 2: Естественный язык и язык жестов в коммуникативной деятельности человека / Г.Е. Крейдлин (отв. рук.), П.М. Аркадьев, А.Б. Летучий, С.И. Переверзева, Л.А. Хесед. М.: Новое литературное обозрение. 2020. 488 с.
2. Дутова Н.В. Гендерные особенности функционирования невербальных компонентов в коммуникативном поведении языковой личности: межкультурный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2014. 24 с.
3. Карасик В.И. Семиотические типы концептов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 4. С. 5–11.
4. Воркачев С.Г. Культурный концепт и значение // Труды Кубанского гос. техн. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2003. Т. 17. Вып. 2. С. 268–276.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Основные черты семантикокогнитивного подхода к языку // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. С. 7–9.
6. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–80.
7. Бутенко Е.Ю. Концептуальная парадигма мировоззренческого феномена «class» в аксиологической системе британской лингвокультуры: Монография. М.: Финансовый университет, 2014. 228 с.
8. Дрожжих Н.В. Синергетическая трактовка языкового знака // Политическая лингвистика. 2016. 1 (55). С. 10–14.
9. Загидуллина А.А. Языковые символы и образы: онтология и функционирование (на материале французского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 2010. 48 с.
10. Иванов Н.В. Проблемные аспекты языкового символизма (опыт теоретического рассмотрения): Монография. Минск: Прописи, 2002. 176 с.
11. Николаева О.В. Новозеландская картина мира сквозь призму национальной символики: аксиологический потенциал иконических концептов // Вестник ИГЛУ. 2011. № 1 (13). С. 152–159.
12. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры: Сб. / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. М.: Прогресс, 1990. С. 412–430.
13. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1999. 384 с.
14. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. University of Chicago Press, 2003. 155 p.
15. Гладкова А.Н. Русская культурная семантика: эмоции, ценности, жизненные установки. М., 2010. 304 с.
16. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: аналогии в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 217 с.
17. Wierzbicka A. *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. Oxford: Oxford University Press, 1992. 487 p.
18. Ларина Т.В. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. М.: Языки славянских культур, 2013. 360 с.
19. Rancour-Laferriere D. *The Slave Soul of Russia: Moral Masochism and the Cult of Suffering*. New York: New York University Press, 1995. 330 p.
20. Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. *Словарь языка русских жестов*. М.–Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001. 256 с.
21. Pease A. *Body Language*. London: Sheldon Press, 1988. 148 p.
22. Гришина Е.А. Русская жестикация с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования. М.: Изд. дом «ЯСК»; Языки славянской культуры, 2017. 744 с.

COMPARATIVE ANALYSIS OF MULTIMODAL CONCEPTS OF ТОЛЕРАНТНОСТЬ AND TOLERANCE IN THE RUSSIAN AND ENGLISH-SPEAKING TRADITIONS

N.V. Dutova

The article presents the analysis of the multimodal conceptualization processes of the social concepts толерантность and tolerance in Russian and American linguistic cultures in a comparative aspect involving verbal, visual-figurative and

and gestural modes. Using the methods of semiotic analysis, the cultural specificity of the conceptualization of tolerance is studied, the mental and semantic traditions of designating the studied social phenomenon in pictorial symbolism are determined, linguistic and cultural meanings encoded by gestures are analyzed. The results of the study showed that dominant cultural values provide a shift in meaning compared to sources of borrowing, which manifest themselves in mental attitudes that determine social behavior. The symbolism of tolerance, embodied in a pictorial and gestural mode, is expressed by a pictorial metaphor that forms the semantic structure of a symbol consisting of a sensual image and its symbolic meaning.

Keywords: multimodal conceptualization, Russian linguoculture, American linguoculture, visual conceptualization of images, cultural values, pictorial symbolism, verbal representation of visual images, gestural conceptualization, communicative emblem, pictorial metaphor.

References

1. Language and semiotics of the body: Collective monography in 2 volumes. Vol. 2: Natural language and sign language in human communicative activity / G.E. Kreidlin (editor-in-chief), P.M. Arkadiev, A.B. Letuchij, S.I. Pereverzeva, L.A. Hessed. M.: New Editionliterary review. 2020. 488 p.
2. Dutova N.V. Gender-specific features of the functioning of non-verbal components in the communicative behavior of a linguistic personality: an intercultural aspect: Abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences. Ulan-Ude, 2014. 24 p.
3. Karasik V.I. Semiotic types of concepts // Questions of cognitive linguistics. 2012. № 4. P. 5–11.
4. Vorkachev S.G. Cultural concept and meaning // Proceedings of the Kuban State Technical University. Series: Humanities. 2003. Vol. 17. Issue 2. P. 268–276.
5. Popova Z.D., Sternin I.A. The main features of the semantic cognitive approach to language // Concept theory / Ed. by V.I. Karasik, I.A. Sternina. M.: Gnosis, 2007. P. 7–9.
6. Karasik V.I., Slyshkin G.G. Linguistic and cultural concept as a unit of research // Methodological problems of cognitive linguistics: Collection of scientific papers / Ed. by I.A. Sternin. Voronezh: VSU, 2001. P. 75–80.
7. Butenko E.Y. The conceptual paradigm of the philosophical phenomenon of «class» in the axiological system of British linguoculture: Monography. M.: Financial University, 2014. 228 p.
8. Drozhashix N.V. Synergetic interpretation of the linguistic sign // Political linguistics. 2016. 1 (55). P. 10–14.
9. Zagidullina A.A. Linguistic symbols and images: ontology and functioning (based on the material of the French language): Abstract of the dissertation of the Doctor of Philology. Alma-Ata, 2010. 48 p.
10. Ivanov N.V. Problematic aspects of linguistic symbolism (experience of theoretical consideration): The monograph. Minsk: Propylaea, 2002. 176 p.
11. Nikolaeva O.V. The New Zealand picture of the world through the prism of national symbols: the axiological potential of iconic concepts // Bulletin of ISLU. 2011. № 1 (13). P. 152–159.
12. Riker P. Metaphorical process as knowledge, imagination and sensation // Theory of metaphor: Collection / Translated from English, French, German, Spanish, Polish. M.: Progress, 1990. P. 412–430.
13. Levi Strauss K. Primitive thinking. M.: Respublika Publ., 1999. 384 p.
14. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. University of Chicago Press, 2003. 155 p.
15. Gladkova A.N. Russian cultural semantics: emotions, values, and life attitudes. Moscow, 2010. 304 p.
16. Uryson E.V. Problems of studying the linguistic picture of the world: analogies in semantics. M.: Languages of Slavic culture, 2003. 217 p.
17. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. Oxford: Oxford University Press, 1992. 487 p.
18. Larina T.V. The British and Russians: Language, culture, communication. M.: Languages of Slavic Cultures, 2013. 360 p.
19. Rancour-Laferriere D. The Slave Soul of Russia: Moral Masochism and the Cult of Suffering. New York: New York University Press, 1995. 330 p.
20. Grigorieva S.A., Grigoriev N.V., Kreidlin G.E. Dictionary of the Russian sign language. M.–Vienna: Languages of Russian culture; Vienna Slavic Alma Mater, 2001. 256 p.
21. Pease A. Body Language. London: Sheldon Press, 1988. 148 p.
22. Grishina E.A. Russian gesticulation from a linguistic point of view. Corpus research. M.: Publishing house «YaSK»; Languages of Slavic culture, 2017. 744 p.